

Художник В. Камаев

серво

Половина лохматых

Марина Ясинская

Когда Мирк добрался до мемориала Первого Полисмена, Шершавый уже был на месте и что-то царапал на мраморной облицовке постамента. Первый Полисмен, равнодушный к его стараниям, сидел на испещренном надписями пьедестале и безразлично смотрел вдаль каменными глазами.

На ступенях, ведущих к памятнику, сидела Лина и, аккуратно расправив вокруг себя юбку желтого в белый горох сарафанчика, играла в камешки.

— А она что здесь делает? — нахмурился Мирк, глядя на девочку.

Шершавый обернулся и, как делал всегда, когда смущался, провел рукой по затылку. Пальцы ощутили привычную щетину пробивающихся волос. Как он только их не выводил — и бритвой, и бальзамами, и мазями! Но добиться идеально гладкой поверхности не удавалось; голова всегда была покрыта налетом щетины, из-за которой его и прозвали Шершавым.

— Родители ушли в ночную смену, велели мне за ней присмотреть. А она боится оставаться дома одна. Вот и пришлось взять с собой — не оставлять же малую.

Мирк недовольно фыркнул. С этой малявкой Квартала лохматых им сегодня не видать.

— Прекрасно! — раздраженно выдохнул он. — Значит, все отменяется.

— Почему это?

— Потому что ты притащил довесок! Куда нам с ним?

— Я не довесок, — обиженно пробубнила сидящая на ступенях девочка, не отрываясь от игры в камешки.

Мальчишки ее словно не услышали.

— Может, оставим здесь? — предложил Мирк. — А потом заберем.

Шершавый покосился на сестру. Лина, позабыв о камешках, подняла безволосую голову и уставилась на брата тревожными глазами.

— Нет, — покачал головой Шершавый. — А что, если мы не вернемся до темноты? Тогда ей тут будет еще страшнее, чем дома.

Мирк огляделся. Днем сквозь окружавшие памятник колонны лился солнечный свет, делая тайное убежище приятелей теплым и уютным, однако, когда наступал вечер, заброшенный мемориал погружался в холодные тени и становился мрачным и зловещим. В сумерках Мирку и самому бывало тут не по себе, хотя в свои солидные четырнадцать лет он никогда бы в этом не признался.

— Может, с собой ее возьмем? — в свою очередь предложил Шершавый.

Мирк поперхнулся от возмущения. Брать малую с собой в Квартал лохматых? Еще неизвестно, получится ли у них самих туда пробраться, а уж с этой Линой!

Однако... Мирк нахмурился. Выбор у них невелик: или они сегодня вообще не идут, или идут, но вместе с девочкой.

ФАНТАСТИКА

Есть еще, конечно, вариант оставить Шершавого с сестрой и пойти одному, но... Во-первых, Шершавый обидится, а во-вторых... А во-вторых, идти в одиночку к лохматым Мирк опасался.

— Ладно, — махнул он рукой, сдаваясь, и направился к выходу из мемориала. Шершавый с сестрой поспешили за ним.

Пройдя сквозь оплетенные плющом колонны мемориала, приятели вышли на огромную площадь. Она была выложена каменными плитами; сквозь щели между ними густо росла трава, кое-где в ней желтела мать-и-мачеха. На противоположном краю площади, прямо напротив мемориала, валялся сброшенный с постамента каменный крылатый мужчина. Одно из крыльев откололось и лежало рядом, под другим крылом, на лопатке, примостилось птичье гнездо.

— А что, раньше в Полисе жили еще и крылатые люди? — спросила Лина.

— Нет, — отозвался Шершавый. — Крылатых людей не бывает.

— Тогда чей памятник лежит на площади?

Брат пожал плечами. Про крылатого он ничего не знал; знал только, что мужик, сидевший в мемориале, — это Первый Полисмен, много веков назад основавший Полис. Площадь тоже носила его имя — по крайней мере, до тех пор, пока не случился Револют. После Революта все сразу узнали, что Первый Полисмен на самом деле был плохим человеком, и возмущенный народ немедленно решил снести мемориал, построенный в его честь. Но не вышло — здание возводили на совесть, на века, и людское возмущение разбилось о него, как волны о скалу. Толпа скинула с постамента крылатого мужика и на этом успокоилась; мемориал, расположенный на отшибе за городом, забросили и забыли. Прошло несколько лет, и площадь, а также ведущий к ней парк одичали — здесь густо росла трава, цепкие побеги ползли по плитам и колоннам, а по нагретым солнцем камням бесстрашно сновали белки.

— А учительница нам сегодня на полисоведении рассказывала, что когда-то в нашем Полисе жили все вместе, вперемешку — и мы, и лохматые, — продолжила Лина. — А потом все перессорились, и пришлось делить Полис пополам.

— Ха! — тут же вмешался Мирк. — А учительница не рассказывала вам, что еще до того, как мы все жили вперемешку, именно мы построили этот Полис? Потому мы и называемся истоками — мы были первыми. А лохматые заявили сюда много позже. Сначала приезжали просто поглазеть, затем стали оставаться на заработки, а потом начали оседать. Наоткрывали своих магазинов, настроили своих трактиров, навозводили своих церквей — и это в нашем городе! А потом еще и права стали требовать!

— А в их трактириях еда вкусная, нас мама с папой туда водили, — бесхитростно и очень некстати заметила Лина, прежде чем Шершавый успел ее одернуть.

Мирк немедленно помрачнел. Его мать работала на кухне в одной из трактирий лохматых. Она растила Мирка и двух его младших братьев в одиночку, зарплаты не хватало, вот и приходилось по выходным подрабатывать там, где была такая возможность. Это бесконечно возмущало Мирка: чтобы его мать работала на лохматых? Да это лохматые должны вкалывать на них, истоков, это же они в Полисе чужаки! Пусть многие и чужаки уже в третьем, а то и четвертом поколении...

Парк остался позади, впереди показалась широкая асфальтовая дорога. Ее проложили еще в период Петролеумного расцвета, когда в Полисе было много машин. А сейчас по ней ездили только велосипеды, грузовые велоциклы, и лишь изредка мелькали электрокары.

Трасса проходила через весь Полис и была той самой границей, по которой его разделили пополам; к западу от трассы — половина истоков, к востоку — половина лохматых. По обеим сторонам от дороги и по всему периметру тянулись проволочные ограждения, защищавшие границы от посторонних. Пройти сквозь них можно было только через тщательно охраняемые пропускные пункты.

Или через известные лишь немногим тайные лазейки в ограде.

Именно такой пользовались Мирк с Шершавым, бегая к стоявшему за пределами Полиса мемориалу Первому Полисмену. И сейчас через другую такую лазейку они собирались проникнуть на чужую половину.

О лазейке Мирк узнал, случайно подслушав старшеклассников, хвалившихся, что они побывали на половине лохматых. Парни говорили, что дыра в ограде находится прямо напротив самолета, и Мирк решил, что найти ее не составит труда: он прекрасно знал, где лежит крылатая машина. Собственно, об этом знал каждый — мертвый самолет, густо оплетенный зелеными побегами, давно стал неотъемлемой частью пейзажа на окраине Полиса.

Старшеклассники рассказали тогда и много другого. На половине лохматых они видели загоны, в которых лохматые разводили птиц для еды, хотя всякому известно, что птицы — священные создания и их есть нельзя. Видели особые лужайки, где лохматые зарывали своих мертвых в землю (и это вместо того, чтобы сжечь их как полагается!). А еще они видели специальные места, где лохматым подстригали, завивали, распрямляли и даже красили волосы! Когда Мирк себе это представил, его передернуло от отвращения. Волосы — это то, что осталось в людях от звериного. Избавляясь от них, люди окончательно порывают со своим животным прошлым. Однако лохматые не только не желают отказываться от этой позорной шерсти — они, оказывается, за ней еще и ухаживают, и украшают ее!

Словом, правильно говорят про лохматых — дикий и нечистый народ.

Впрочем, сегодня Мирк с Шершавым решили пролезть на чужую половину Полиса вовсе не для того, чтобы своими глазами посмотреть на странные обычаи лохматых. Нет, приятели собирались отомстить.

Пару недель назад, гуляя по базарным рядам Коридора, Мирк с Шершавым наткнулись на группу мальчишек лохматых примерно их возраста. Коридор считался нейтральной территорией; расположенное в самом центре Полиса, это было место сосредоточения торговли, культуры и управления. Только там трактирии и мастерские лохматых могли соседствовать с банками и магазинами истоков — там было самое лучшее место для бизнеса. Именно потому обе стороны заключили негласное соглашение: входя в

Коридор, забывать все претензии и обиды друг к другу — иначе бизнесу не выжить.

Разумеется, рассчитывать на благоразумие лохматых не приходилось; время от времени кто-то из них обязательно нарушал правила, и тогда истокам приходилось отвечать. Именно для таких случаев по Коридору постоянно курсировали патрули.

Однако в тот день патрули не обратили внимания на стайку мальчишек лохматых, окруживших двух мальчишек истоков.

Нет, Шершавого с Мирком тогда не побили. Но осыпали обидными словами и унижительными, гадкими прозвищами.

Попранная гордость требовала возмездия.

В ограде напротив самолета у самой земли и впрямь нашлась почти незаметная прорезь. Если проволочные края оттянуть в стороны, то можно проскользнуть внутрь.

За оградой был скучный пустырь, а за ним виднелись унылые постройки барачного типа. Лохматых в пределах видимости не наблюдалось. Значит, можно пролезать. Но Мирк медлил.

— Интересно, а она током бьет? — задумчиво протянул он, глядя на колючую сетку ограды.

— Чтобы была током, нужно электричество, — резонно заметил Шершавый.

— Ну, так электричества у лохматых навалом! — воскликнул Мирк с затаенной обидой. Он всегда считал, что те, кто когда-то делил Полис между ними и лохматыми, плохо сделали свое дело. Если бы сделали хорошо, то электростанция не отошла бы к лохматым и они не драли бы за электричество втридорога. А теперь исконным жителям Полиса приходилось жестко экономить на электричестве и пользоваться им только там, где это действительно необходимо. Пускать ток по ограде, окружающей их половину Полиса, истоки точно не могли. А вот лохматые — вполне.

— Старшеклассники же как-то пролезли, — тем временем продолжил Шершавый. — Значит, не бьет.

Мирк осторожно потянулся, кончиком пальца дотронулся до колючей проволоки и тут же отдернул руку.

— Не бьет, — с облегчением подтвердил он. — Ну, пошли?

— Погоди, а как же это? — Шершавый постучал себя ладонью по голове.

Мирк спохватился. Раз уж они собираются тайно проникнуть к лохматым, надо замаскироваться, ведь их безволосые головы тут же заметят. О том, чтобы отрастить волосы, не могло быть и речи, а вот отвратительная привычка лохматых напяливать на волосы головные уборы может им пригодиться. Именно для этого Мирк стянул шапки в одном из магазинов лохматых в Коридоре.

— Держи, — сказал он, сунул в руки Шершавому одну шапку, достал себе вторую и напялил на голову. Черная шапка была неудобной — жесткая, словно котелок, с ремешком, застегивающимся под подбородком, и с рисунком черепа спереди.

Однако Шершавый надевать свой головной убор не топорился.

— А другой не было? — спросил он, вертя в руках большую пышную шапку с торчащим во все стороны мехом.

— Я, знаешь ли, по шапкам не специалист, не выбирал, — огрызнулся Мирк.

— Просто странная она какая-то, — с сомнением протянул Шершавый.

Мирк перевел взгляд на шапку, которую приятель вертел в руках, и понял его затруднение. Растительность на

голове — это животный атавизм. Добровольно натянуть себе на голову мех не захочет никто из истоков. Тем более Шершавый, для которого это вообще большая тема, — он все никак не может избавиться от щетины на голове; что только ни делает, а волосы растут, будь они неладны!

— Ну хватит тебе переживать! Мы же к лохматым идем — какая разница? — попытался он успокоить приятеля.

— Раз нет разницы, давай поменяемся? — с надеждой предложил Шершавый, протягивая ему меховой комок.

Мирк невольно отпрянул.

— Ясно. — Шершавый недовольно вздохнул и, скрипевшись, натянул на себя шапку. Его голова тут же стала большой и пушистой.

— Что-то в ней жарко, — заметил он несколько мгновений спустя. — Может, эта шапка — зимняя?

— Не говори глупостей, — отмахнулся Мирк. — Шапки они и есть шапки. Пошли!

— Погоди. А с Линой что делать будем?

Мирк почти было забыл про сестру Шершавого.

— Для нее у меня ничего нет, я ж не знал, что нам нужно три шапки.

— Но так ей идти нельзя, — встревожился Шершавый, глядя на безволосую голову девочки, а потом, подумав, снял в себя меховую шапку и надел сестре. Лина пискнула, и ее голова немедленно утонула в пушистом головном уборе.

— А ты? — спросил Мирк.

Вместо ответа Шершавый порылся в кармане и вытащил оттуда большой носовой платок, синий в красную клетку и почти чистый — после стирки он им пользовался всего-то пару раз. Шершавый развернул его, сложил по диагонали и покрыл себе голову, завязав концы платка под подбородком.

— Ну как? — спросил он.

Мирк окинул его критическим взглядом. Что-то в повязанном на голову платке было не так, но он не мог сообразить, что именно. А потом и вовсе махнул рукой. Головные уборы — это полная дикость, потому они и кажутся ему странными. Главное, что прикрыто отсутствие волос.

— Нормально, — вынес Мирк свой вердикт. Перевел взгляд на Лину — она приподняла меховую шапку и держала ее обеими руками, чтобы та не сползала на глаза. — Сколько времени?

Шершавый достал из кармана часы:

— Три. У нас на все про все ровно час.

Насколько мальчишки знали, рабочий день у большинства лохматых заканчивался в четыре, а до той поры улицы пустовали, и, значит, у них был шанс проверить свое дело незамеченными.

— Успеем, — уверенно сказал Мирк и отогнул край сетки.

Несколько минут спустя троица уже пересекла пустырь и торопливо шагала по пустой улице, по обеим сторонам которой тянулись унылые складские помещения и приземистые промышленные постройки. Вокруг было решительно не на что смотреть; более того, этот район поразительно походил на промышленные кварталы в их части Полиса. Если не знаешь, что находишься на половине лохматых, ни за что не понять. И тем не менее у Мирка с Шершавым восторженно сияли глаза, ведь они оказались на чужой, закрытой, запретной территории! Настоящее опасное приключение!

Вскоре промышленные постройки сменились жилыми домами, появились магазинчики и пустующие забегаловки, а на улице начали встречаться первые лохматые. К счастью,

их было совсем немного, как и рассчитывали Мирк с Шершавым. И все-таки, хотя мальчишки старались вести себя как ни в чем не бывало, что-то они делали не так: редкие прохожие, глядя на них, усмехались, качали головами, а то и вовсе крутили пальцами у виска.

— Нас что-то выдает, — понял Шершавый и потянул сестру в ближайший переулочек.

Мирк тоже видел, что на них пялились, и гадал, что с ними не так. Взять вот Шершавого. Обычный парень, серые штаны, зеленая футболка, голова прикрыта клетчатым носовым платком, завязанным под подбородком. На самом Мирке — голубая рубашка с синими брюками и жесткий головной убор с рисунком черепа, застегнутый под подбородком ремешком. Да и с Линой тоже все в порядке — легкие босоножки, желтый сарафан, меховая шапка. Ни у одного из них не видно безволосой головы, а в остальном они и лохматые внешне ничем не отличаются.

— Что же не так? — задумчиво протянул Мирк.

— Не нравится мне все это, — прошипел Шершавый, настороженно выглядывая из переулка. — А вдруг сейчас кто-нибудь поймет, что мы — истоки, и всё! Так что давайте скорее им замстим и уберемся отсюда подальше. Тем более время поджимает.

Мирк кивнул:

— Да разве я против? Но не здесь же!

Шершавый кивнул в ответ. Если уж вершить месть, то как полагается. А мстить они собирались тем, кто их обидел. Конечно, найти тех самых мальчишек среди тысяч лохматых им не удастся, но вот отомстить другим школьникам — это вполне. Нужно только найти школу.

— Мне голове жарко, — заняла тут Лина.

— Потерпи, — строго сказал Шершавый.

Но девочка уже сняла меховую шапку, а когда брат попытался надеть ее обратно, решительно заявила:

— Не буду я ее больше носить!

Издали донесся звон часов.

— Три тридцать! — всполошился Мирк. — У нас осталось всего полчаса, а нам еще вернуться к дыре надо!

Не теряя времени попусту, Шершавый быстро стянул с головы носовой платок и повязал его сестре, а сам натянул меховую шапку.

— Пошли! — скомандовал он.

Как ни странно, но Мирку показалось, что на голове Лины платок смотрится лучше. Видимо, прохожие тоже так считали, потому что, когда троица выскользнула из переулка, лохматые на них хоть и косились, но уже не тыкали пальцами и не смеялись.

«Наверное, платки на головах носят только девчонки», — подумал Мирк, вновь дивясь про себя тому, какие же дикие у этих лохматых обычаи.

Вскоре мальчишки нашли то, что искали. Заглянув в окна первого этажа строгого здания из красного кирпича, они увидели внутри кабинет с доской на стене и детей за партами.

— Отлично, вот и пришли! — злорадно протянул Мирк и полез в рюкзак. Оглянулся, убеждаясь, что на улице никого, и вытащил баллончик с краской. Встряхнул, оглядывая стену, словно художник новое полотно для будущей картины, и принялся выводить на стене буквы.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме тихого шипения распыляемой краски. Шершавый нетерпеливо притоптывал на месте, поглядывая по сторонам. На перекрестке мелькнул велосипедист, в соседнем доме хлопнула дверь... Того и гляди кто-то появится!

— Быстрее! — прошипел Шершавый.

— Готово! — гордо ответил Мирк.

«Чтоб вы сдохли, лохматые!» — было написано на стене.

— Добавь «вонючие», — предложил он. — «Вонючие лохматые» — так правильней.

— Точно! — обрадовался Мирк и принялся торопливо дописывать слово. — Вонючие — это как раз про них.

Вонючими лохматых называли потому, что они редко мылись, — еще один признак их дикости. Впрочем, Шершавый иногда подумывал, что, возможно, лохматые редко мылись не потому, что у них такая традиция, а потому, что на их половине Полиса не хватало воды. Когда Полис разделили пополам, к лохматым отошла электростанция, и теперь истокам приходилось жестко экономить на электричестве. Зато истокам отошли водокачка и водохранилище, и так же, как лохматые не давали им вдоволь электричества, они не давали лохматым вдоволь воды.

— Всё! — сообщил Мирк. Встряхнул баллончик с краской и добрызгал остатки, выводя поярче букву «с» в слове «сдохли». — Пусть теперь знают! — злорадно добавил он.

Шершавый окинул взглядом надпись. На красном кирпиче стены большие белые буквы выделялись очень ярко. Да, хорошо получилось!

— Уходим, — скомандовал он, взял Лину за руку — и тут же издали послышался звон часов, отбивающих четыре.

Мальчишки в панике переглянулись. Сейчас улицы заполнят лохматые, и кто-то наверняка поймет, что они — истоки!

— Мы не успеем добежать до дыры в ограде, — тихо и с отчетливой ноткой паники произнес Мирк.

Шершавый тоже это понимал. Конечно, они могли бы проделать весь путь обратно спокойно, как ни в чем не бывало, надеясь, что их не разоблачат. Но если уж даже редкие прохожие обращали на них внимание, когда они шли сюда, то что говорить теперь про целую толпу!

А улица тем временем ожила. Из школы донесся звонок, возвещающий о конце урока, из зданий вокруг начали выходить люди, по дороге замелькали велосипедисты.

Шершавый огляделся и, увидев за перекрестком груды обломков строительных плит, скомандовал:

— За мной!

Перебежками, вжимая голову в плечи и опасливо озираясь на заполонивших улицу лохматых, которые, к счастью, пока не обращали на них внимания, ребята пересекли перекресток и встали перед кучей обломков.

— Кажется, подземка, — предположил Шершавый, кивая на полускрытый обломками вход.

Входы в подземку были и на их половине Полиса. Как любые уважающие себя мальчишки, Мирк с Шершавым считали заброшенные подземные туннели жутко романтичными. Тайком от родителей они спускались по ступеням (говорили, что раньше эти ступени были самоходными) и тихонько ходили по огромным подземным платформам, глядя на умершие поезда и воображая горящие фонари, гул туннелей и стук колес. Впрочем, ходить дальше платформ, то есть углубляться в непроглядно-черные ходы, они не решались.

— Когда подземка работала, она проходила по всему Полису, — уверенно сказал Шершавый. — А значит, по ней мы сможем выйти на нашу половину.

— Но ты же не знаешь, куда идти, — засомневался Мирк. — Мы там запросто заблудимся! И потом — что, если там тоже все перегородили?

— Это вряд ли, — возразил Шершавый. — А как же к нам пробираются контрабандисты? Через ворота, что ль?

Контрабандисты и впрямь регулярно сновали между половинами Полиса, пронося дефицитные товары. От лохматых истокам несли лампочки, лекарства и шоколадные конфеты, потому что на их, лохматой, половине остались электротехнический завод, фармацевтический цех и шоколадная фабрика. От истоков же к лохматым контрабандисты переправляли мыло, пиво и велосипеды, потому что в отошедшей к истокам части Полиса остались мыльный цех, пивоварня и механический завод. Словом, контрабандисты столько носили взад-вперед, что и впрямь не верилось, что все это легально проходило через тщательно охраняемые пропускные пункты.

Мирк оглядел улицу, которую уже заполнили лохматые, и обреченно махнул рукой.

Троица шагнула в подземку.

Сначала темнота ослепила. Мирк замер, боясь сделать шаг. Шершавый почувствовал, как по спине поползли мурашки страха, но тут Лина вцепилась в него обеими руками, крепко прижалась и всхлипнула, и это, как ни странно, его приободрило.

— Не бойся, — тихонько сказал он сестренке. — Сейчас глаза привыкнут, и станет не так темно.

— У меня же есть фонарик! — вспомнил Мирк.

Он принялся рыться в рюкзаке. Через несколько секунд темноту прорезал луч света. Стали видны стены и лестница, ведущая вниз, к туннелям, в которых навсегда замерли подземные поезда.

— Ну, все, теперь совсем не страшно, — уверенно прошептала сестре Шершавый. — Сейчас по этим туннелям мы выйдем прямо к дому.

Лина только пискнула и прижалась к нему еще крепче. Недоумевая, что так испугало сестру, Шершавый поднял взгляд и увидел, как к ним со всех сторон приближаются тени.

— Ну-ка, ну-ка, это что тут у нас? — послышался незнакомый голос.

В луче фонаря возник лохматый, высокий и худой. Он был старше Мирка с Шершавым. Наверняка ему не меньше шестнадцати. Длинные волосы свисали вдоль бледного лица, глаза казались застывшими и злыми, а левая рука была зачем-то туго перехвачена ремешком чуть выше локтя.

Мальчишки непроизвольно сделали шаг назад. Но тут к худому лохматому присоединились еще трое. Все — волосатые, у всех дикие взгляды, у одного — сигарета в руке, от которой несло сладковатым дымом, у другого — полупустая бутылка.

— Никак чужаки в гости пожаловали? — проговорил худой, продолжая наступать. — И похоже, чужаки-то не наши, а плешивые!

Мальчишки, налетевшие на них в Коридоре, тоже называли их этим противным, обидным словом — «плешивые». Но если тогда Мирк с Шершавым только разозлились, то сейчас им стало страшно.

Худой продолжал наступать на пятившихся мальчишек, трое его страшных помощников двигались следом.

— И что же вы тут делаете, а? — приговаривал худой, медленно водя в воздухе непонятно откуда взявшимся у него в руке ножом. — Повеселить нас пришли? Вот молодцы, веселье мы любим, да, парни?

Шершавый быстро оглянулся. Выход из подземки был совсем рядом, а за спиной — никого. Правда, этот выход вел на улицы, полные лохматых, но сейчас те лохматые казались куда менее страшными, чем эти, встретившие их здесь.

— Бежим! — крикнул он Мирку и бросился к выходу, таща за собой сестру.

Уличный свет ослепил так же, как несколько минут назад темнота. Но мальчишки продолжили нестись вперед, не разбирая дороги, пока не натолкнулись на препятствие.

Отчаянно шурясь и моргая, Шершавый поднял глаза и увидел перед собой мужчин в темно-синей форме. И обмер, сообразив, на кого они нарвались.

Жандармы!

Преследователи отставали от мальчишек всего на несколько шагов, но, увидев, к кому попала их добыча, резко затормозили. На свету они казались еще более отвратительными, чем в темноте: бледные болезненные лица, слезящиеся глаза, трясущиеся руки, спутанные пряди грязных волос.

— Товарищи жандармы! — произнес худой, выставив перед собой тонкие, все в красных точках и кровоподтеках руки, в которых уже не было ножа. — Мы всего лишь хотели помочь. Сдать этих плешивых представителям закона.

— Читайте, что помогли, — сухо ответил державший Шершавого жандарм. — И советую прикрыть ваш притон в подземке, прежде чем я приведу туда нарконнадзор.

— Понял, господин жандарм, понял! — закивал худой, пятясь обратно. Его товарищи пятились вместе с ним, пока не скрылись в темноте.

Шершавый облегченно выдохнул, но тут вспомнил, в чьи руки угодил, и снова напрягся. Глянул на Мирку — того схватил другой жандарм, а сам Мирк был блее мела. Лину же держал за руку третий. Увидев, что носовой платок сполз с ее затылка, показывая всем безволосую голову, Шершавый отчаянно дернулся в крепко стиснувших его руках.

— Отпустите ее! — выкрикнул он. С ним-то уж будь что будет, но его маленькая сестренка вообще ни при чем!

— Тихо! — негромко, но очень твердо приказал державший его жандарм и потащил Шершавого куда-то в сторону, подальше от глаз любопытных прохожих. Остальные последовали за ним. Жандарм завел мальчишку за угол здания в безлюдную подворотню, сдернул с него меховую шапку, обнажив шершавую голову, и строго спросил:

— Вы как сюда попали?

Шершавый понимал, что отпираться нет смысла.

— Нашли дыру в ограде, — признался он.

— Где?

— Напротив самолета.

— А сюда зачем полезли? — спросил второй жандарм.

Шершавый молчал, насупленно уставившись в сторону.

Вдруг тот жандарм, что держал Шершавого, неожиданно усмехнулся и глянул на своего товарища:

— Зачем-зачем! Себя не помнишь в их возрасте? Наверняка приключений захотелось! Видел, как они подготавливались? Особенно этот: вон какую шапку для маскировки выбрал!

Шершавый покосился на «своего» жандарма и с удивлением увидел, что тот улыбается. И глаза у него добрые. А светлые волосы на голове стрижены коротко-коротко, ненамного длиннее, чем противная, невыводимая щетина у Шершавого на голове. И вообще, если чуть напрячь воображение, то жандарм становился очень похож на них, истоков. Это было неожиданное открытие!

ФАНТАСТИКА

— Ладно, храбрецы, нам пора, — тем временем сказал «его» жандарм.

— А нас куда? В тюрьму? — обреченно спросил Мирк.

— Сдались вы нам в тюрьме! — усмехнулся жандарм. — Доведем вас до пропускного пункта в Коридор, а оттуда, я полагаю, вы до дома сами доберетесь.

Мирк недоверчиво уставился на него, но промолчал. Эти неожиданные слова оказались слишком уж хорошими, чтобы в них поверить. Особенно потому, что произнес их лохматый, а лохматые, как известно, всегда врут.

Остаток пути прошел в молчании. Прохожие по-прежнему глазели на мальчишек, но теперь, видимо, больше из-за того, что они шагали вместе с жандармами. Только раз кто-то возмущенно воскликнул, увидев безволосую голову Лины:

— Это что — плешивые?

Но строгий взгляд жандарма немедленно успокоил крикуна.

Вскоре показался пропускной пункт. За ним был Коридор — и родная половина Полиса.

Жандармы тихо переговорили о чем-то с вооруженными охранниками, стоявшими на воротах, и те расступились, давая дорогу мальчишкам и Лине.

Мирк заторопился к выходу, а Шершавый, взяв сестру за руку, обернулся и посмотрел на «своего» жандарма.

— Спасибо вам, — тихо сказал он.

Жандарм улыбнулся, неожиданно подмигнул ему в ответ и, отвернувшись, зашагал прочь. А Шершавый с сестрой быстро пошел в Коридор.

По дороге домой, избавившись от ненавистой шапки, Мирк вспоминал пережитые приключения и то и дело восклицал:

— А все-таки круто мы их, правда? Пусть знают!

А Шершавый молчал. Он вспоминал, как предложил дописать «вонючие» к «лохматым», и ему почему-то было стыдно.

Еще он думал, что завтра же потихоньку проберется на половину лохматых, найдет ту школу и напишет на стене что-то доброе. Правда, пока не знал, что именно. Но до завтра он обязательно придумает!

Шершавый не знал, что здание, на котором они оставили надпись, было не школой, а детским домом. Что уже сегодня вечером ее увидят и она станет поводом для серьезного конфликта между половинами Полиса. Что уже завтра утром в Коридоре начнутся первые вооруженные столкновения между истоками и лохматыми.

Шершавый шел домой, крепко держа сестру за руку, и, не слушая Мирку, думал, где бы ему до завтра раздобыть баллончик с краской.

